

УДК 82–94
ББК 63.3(2)
В 67

Волкогонов Д. А.

В 67 10 вождей. От Ленина до Путина / Дмитрий Волкогонов, Леонид Млечин. — М. : Эксмо : Яуза, 2013. — 896 с.

ISBN 978–5–699–63011–0

От Ленина и Сталина до Медведева и Путина — эта книга прослеживает судьбы всех хозяев Кремля за последнее столетие, среди которых были гении и злодеи, революционеры и филистеры, смелые реформаторы и пустобрехи. Это — групповой портрет кремлевских вождей, чьи сравнительные жизнеописания проливают свет на самые запретные страницы истории и самые охраняемые «дворцовые тайны», позволяя заглянуть за кулисы Большой политики, в святая святых Власти.

**УДК 82–94
ББК 63.3(2)**

ISBN 978–5–699–63011–0

© Волкогонова Г.А., Волкогонова О.Д., 2013
© Гаврилова Т.Д., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Дмитрий Волкогонов
СЕМЬ ВОЖДЕЙ

Вместо введения:

Тропа вождей

Проблема власти была основной у Ленина и всех следовавших за ним.

Н. Бердяев

Да, именно тропа. Человечество, по мере роста своей цивилизованности, все увереннее выходило на широкую дорогу прогресса. И лишь диктаторские, тоталитарные режимы следовали по обочине исторического пути. Во главе таких государств были не народом избранные руководители, а выдвинутые, «посаженные», «вознесенные» экстремистской частью общества вожди типа Франко, Салазара, Муссолини, Гитлера, Ким Ир Сена, Хусейна. Но, заметьте, никто из них, уклоняясь от общечеловеческой дороги народовластия, демократии, парламентаризма, не привел свои страны к процветанию, согласию, торжеству гуманизма и свободы.

Семь десятилетий XX века советская Россия шла по указанной Лениным тропе. Ей удалось стать сверхмощной военной державой, которую боялся весь мир. Страна создала могучий технический, индустриальный, военный и научный потенциалы, которые, однако, не сделали людей счастливыми и свободными. Держава по имени СССР первой вырвалась в космос, но это не изменило к лучшему положения с нарушениями прав человека в стране. Народ, совершивший «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», победивший в Великой Отечественной войне, приступивший к «Великим стройкам коммунизма», не добился в результате ни свободы, ни процветания. Он «кучно» шел по ленинской тропе, где «масса» могла дружно двигаться, а отдельному человеку было тесно...

Россия, жившая столетия под чередой царей, в 1917 году перешла к новой форме абсолютизма – большевистскому вождизму. За почти семь десятилетий существования СССР, по случайному стечению исторических обстоятельств, было тоже семь лидеров, управлявших страной. Правда, один из них командовал государством более трех десятилетий, а два предпоследних едва протянули немного больше, чем по году.

Книга, которую вы держите в руках, о семи первых лицах, стоявших во главе советского государства, от Ленина до Горбачева. В то же время книга, которую автор предлагает читателю, состоит как бы из семи небольших книг, посвященных В.И. Ленину, И.В. Сталину, Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу, Ю.В. Андропову, К.У. Черненко, М.С. Горбачеву. Каждая «книга», имея самостоятельное значение, тем не менее связана общим замыслом: показать историю верховной власти великой страны в лицах ее вождей за семь десятилетий. Разумеется, портрет любого лидера единственной партии в стране (а для СССР это всегда и фактический глава государства) не может охватить всего богатства качеств, черт, событий, характеризующих историю народа. Но нечто общее, нечто существенное для страны, для режима, для системы представленные в книге портреты отражают. Что же конкретно?

Ни одного из семи вождей народ «на правление» страной никогда, ни разу (!) не избирал. Как бы сейчас сказали, все большевистские руководители были нелегитимными, «незаконными». Власть, часто после жестокой, но невидимой борьбы на самом верху, просто передавалась из рук в руки внутри узкого клана «профессиональных революционеров». Высшая власть всегда была в руках партийных лидеров единственной партии, узурпировавшей власть в результате государственного переворота в октябре 1917 года. Долгие годы народом правили люди, которые не имели на это законного права. Все они, без исключения, переносили ожидаемые, постоянно обещаемые блага для людей в неопределенное будущее.

Все семь вождей считали себя марксистами и всегда хотели выглядеть правоверными «ленинцами». Каждый находился в жестком прокрустовом ложе большевистских принципов: руководящая роль коммунистической партии, первенство классового подхода, господство государственной собственности и ленинской идеологии, примат власти над законом, коминтерновское мышление. Все вожди до мозга костей были политиками и, естественно, считали глубоко вторичной мораль. Отсюда безусловное первенство массы, класса, коллектива в ущерб конкретной личности. Жесткость этих большевистских постулатов обусловила догматизм мышления советских вождей, за исключением, возможно, «вождя» последнего. Марксизм-ленинизм для лидеров (как и для народа) являлся фактически светской религией, в которую прежде всего нужно было верить и не подвергать сомнению.

Все семь вождей выходцы из провинции. Ни один лидер ВКП(б) – КПСС не был коренным «воспитанником» столичных организаций большевистской партии. Провинциализм всегда более консервативен и ортодоксален. Ни один вождь не имел «чистого» пролетарского происхождения, хотя все признавали и не уставали божиться «ведущей» ролью рабочего класса. Это, однако, лишь подчеркивает положение, что «социальный расизм», после того как была захвачена власть, не имел для руководства страной и партией решающего значения. «Руководил» не рабочий класс, а быстро сформировавшаяся бюрократическая партократия. Лидеры имели весьма отдаленное отношение к рабочим, крестьянам, интеллигенции, ибо все они вышли из самой глубины «профессиональных партократов». Интеллектуальный, образовательный, культурный уровень всех вождей (за исключением «вождя» последнего) был весьма низким. Даже Ленин, человек с мощным умом, имел одномерную, сугубо политическую интеллектуальную силу, что в огромной мере обедняет человека. Он был далек от русской культуры, достижений ее выдающихся мыслителей.

Все семь лидеров знали страну, которой управляли. Но каждый знал ее по-своему, что и предопределило их достоинства и решающие просчеты.

Первый вождь, Ленин, «знал» Россию как политэмигрант, по-книжному, газетному, партийному. Политические очки врага царизма и буржуазной демократии обрекли его на метафизическое, чисто «революционное» видение империи, а затем и российской советской республики. Ленин никогда и нигде не работал (в обычном понимании этого слова), что имеет огромное значение в познании действительности. Полтора года в качестве помощника присяжного поверенного, без знания промышленности, сельского хозяйства (хотя одно время был совладельцем имения), давали весьма поверхностное представление о глубинных процессах российской жизни. Отсюда многие роковые ошибки, в частности уверенность в том, что можно сразу, непосредственно «ввести коммунизм»; непонимание цементирующей роли губерний в многонациональном государстве и постепенное их разрушение; враждебное отношение к крестьянству и уверенность в том, что ликвидация целых социальных групп в обществе, так же как религии и церкви, приблизит его «советизацию», и другие исторические просчеты. Известный меньшевик Р.А. Абрамович характеризует деятельность Ленина в начале 1918 года как «историю буйного припадка утопизма в форме военного коммунизма». «В начале 1918 года, – писал Абрамович, – Ленин почти на каждом заседании Совнаркома настаивал на том, что в России социализм можно осуществить в шесть месяцев... Шесть месяцев, а не шесть десятилетий или, по крайней мере, шесть лет? Но нет, Ленин настаивал на шести месяцах. И в марте 1918 года началось проведение этого плана непосредственного

перехода к коммунистическому производству и распределению»¹. Ленин безжалостно экспериментировал над гигантским государством и великим народом, создавая систему большевистского абсолютизма. Его главный просчет – ставка и вера в принципиальную возможность полного превращения нашей планеты в коммунистическую.

Второй вождь – Сталин – был представителем немногочисленного деклассированного мира России. Человек, не имевший профессии и никогда не работавший, знал страну как захватчик власти, безжалостный диктатор, глава большевистского клана. Его знание России сугубо функциональное: что и как можно использовать для укрепления режима личной власти, укрепления «пролетарской диктатуры». Сталин полностью унаследовал ленинские «способности» к социальному экспериментаторству над гигантской страной (кровавая коллективизация, чудовищная «чистка», «дружба» с фашизмом...). Дело совсем не в «культе личности», как КПСС пыталась изобразить внешнее выражение тоталитарной тирании. Суть в полном отчуждении людей от права распоряжаться своей судьбой, права свободно мыслить, права делать независимый выбор. Сталин в предельно вульгарной форме выразил квинтэссенцию большевистской власти, где не осталось ни малейших шансов для свободы человека: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением»². Со временем второй вождь уверовал, что так может быть всегда и везде. Основной просчет второго вождя заключался в фанатичной, глубоко ошибочной вере, особенно после победы советского народа в Великой Отечественной войне, в то, что история «подтвердила» его правоту в стратегии и методах развития советского государства. И всех других, которые стали его вассалами.

Третий «вождь» советского государства – Хрущев – знал страну, вероятно, лучше первых руководителей СССР. Но знал эмпирически, во многом без понимания глубинных тенденций и закономерностей развития общества. Однако не может не вызывать уважения неумная энергия Хрущева в стремлении познать и реформировать страну. Но с этим стремлением постоянно приходил в противоречие большевистский волюнтаризм лидера. Его роковая ошибка: он наивно полагал (как и все мы), что ущербности ленинской системы не будет, если только удалить коросту «культы личности». Он был пленником Великой Утопии. Хрущев всерьез верил в возможность «волевого» приближения лучезарного будущего – коммунизма. Всего через два десятилетия! Третий «вождь» не знал, видимо, о существовании в давние времена Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Но Хрущев был не просто мечтателем – он верил в реализацию своих планов...

Четвертый «вождь» партии и страны – Брежнев – познавал общество через традиционные партийные очки. Он оказался, вероятно, наиболее последовательным выразителем системы. Для этого лидера Советский Союз был прежде всего ленинским плодом коммунизма, который нужно любой ценой сохранить, законсервировать, сберечь. Невозмутимый и последовательный проводник «курса» познавал страну через партийные донесения, рапорты и доклады. Он был доволен стагнацией, которую искренне принимал за стабильность. Как вспоминал помощник четырех генсеков КПСС А.М. Александров-Агентов, Брежнев «был хороший практический руководитель областного уровня, но для поста руководителя великой державы и великой партии ему много явно недоставало»³. Это и неудивительно: народ ни его, ни других «вождей» не уполномочивал на «правление», он не только не имел данных для всесоюзного лидера, он не имел на это права... Суть его главной ошибки: Брежнев хотел добиться всего, ничего не меняя.

Пятый «вождь» ленинской системы – Андропов – был умнее многих руководителей СССР. Он знал, что делается в стране и что ее ждет, намного лучше других. Но его знание общества было «кагэбэшным», полицейским. Многолетний руководитель спецслужб СССР, безусловно, хотел позитивных перемен в стране, но был намерен добиться их прежде всего административными мерами. Для него Лубянка осталась «пиком Коммунизма», откуда было легче озирать государство и укреплять его мощь, прежде всего военную. Андропов был большевистским ортодоксом; его глубокое знание истинного положения в стране не рождало такого же желания радикальных позитивных перемен. А может, он просто не успел о них заявить... Генсек, питомец КГБ, хотел укрепить, «улучшить» большевистскую систему, не затрагивая «ленинских основ».

Шестой «вождь» советского государства – Черненко – знал страну как высокопоставленный партийный чиновник. Он искренне верил, что справками, докладами, решениями, постановлениями можно изменить общество, но тоже в рамках «ленинских норм» и традиций. Для этого нелепого, но исторически не случайного лидера сама страна была главным «бумажным делом». Черненко вообще ничего не пытался, кроме как остаться номинальным главой партии и государства. Предпоследний генсек промелькнул на небосводе советской истории, как Петр II династии Романовых, не оставив никакого следа...

Седьмой и последний «вождь» партии и советского государства – Горбачев – человек классической партийной карьеры. Первые годы «правления» чувствовалось, что он знает страну как партийный лидер провинциального масштаба. Но со временем и достаточно быстро постиг нечто очень важное: внутренние проблемы в такой огромной стране трудно решать вне

планетарного контекста и ставки на широкую Реформацию. Его знание множества проблем, которыми была больна страна, слабо, однако, сочеталось с прогностическими и волевыми компонентами управления. Главный просчет Горбачева: он надеялся реформировать и сохранить коммунистическую систему, что в принципе невозможно. Однако его великие «заделы» по устранению угрозы ядерной войны, открытию шлюзов гласности, ставка на демократические перемены в обществе сделали Горбачева эпохальной исторической личностью, роль которой полностью будет оценена лишь за порогом XXI столетия.

Каждый вождь, окруженный партийной элитой, знал по-своему страну, общество, свой народ. Но при этом у всех господствовало конфронтационное, классовое мышление. Коммунистическая идеология вся «замешена» на борьбе: с внутренними и внешними врагами, природой, другими системами и идеологиями. Но вожди «просмотрели» то обстоятельство, что постепенно господствующими тенденциями в мировом развитии стали интеграционные процессы, переход от конфронтации к сотрудничеству, социальному объединению, поиску гармонизированных форм сосуществования землян. Мысль вождей, всех нас была как бы в «окопах», в вечной непримиримости и борьбе со всем, что не совпадает с марксистскими схемами и большевистским мироощущением. Это вело к консервации созданной Лениным системы, «застылости» общественного сознания, враждебности и недоверию к чужому социальному опыту. В конечном счете это привело к утрате великим народом способности к цивилизованным, эволюционным переменам в социальной сфере. Стремление «разрушить старый мир до основания» создало у людей устойчивую черту, склонность к радикализму, бунту, потрясениям, взрывам.

Горбачев первым из семерки большевистских вождей заставил мыслящих людей глубоко задуматься над этим судьбоносным вопросом. Но задуматься – не значит переосмыслить...

Сейчас, в посткоммунистическое время (впрочем, большевики могут еще на какое-то время вернуться, их уход пока не приобрел необратимого характера), новым лидерам России, которые, хотя того или нет, получили в наследие огромный «советский багаж», в котором много горького, уцененного историей, как, впрочем, и такого, что может послужить в настоящем и будущем, важно постоянно помнить о нескольких исторических обстоятельствах.

Во-первых, нельзя забывать, что над нами довлеет не только семидесятилетняя эпоха большевистского абсолютизма, но и многовековая история российского самодержавия. Историческая летопись государства нашего, сложившегося во второй половине первого тысячелетия нашей эры, до

России начала XX века оказывала и будет оказывать внешне незаметное, но огромное влияние на жизнь великого народа в настоящем и будущем. В обоих временных пластах было не только то, что навсегда уцелено историей, но и нечто такое, что имеет непреходящее значение (бесплатное образование, медицинское обеспечение, меры социальной защиты граждан в социалистической стране и т.д.). Поэтому, возможно, социально-демократический «коридор» есть наилучший путь выхода страны из нынешнего тотального кризиса. Ведь социально-демократическая идея наиболее продуктивно обосновала, например, синтезирование (в той мере, насколько это вообще возможно) чаяний социальной справедливости со свободным рынком.

Во-вторых. Россия «распята» между Азией и Европой. Это не Азия и не Европа. Она – Евразия. Это проклятие и благодать. Мы веками отстаем от цивилизованных стран в социальном опыте развития. Ведь глубинный мотив ленинского радикализма и его последователей как раз заключался в попытке исторического опережения других цивилизаций. Не получилось. Но это не значит, что мы обречены лишь на копирование чужих схем, моделей, подходов и образа мышления. Тем более что идеальных обществ не бывает. Как фактический призыв Горбачева «назад к Ленину», так и стремление радикальной демократии равняться только на западные ценности – это все старая метафизика. Поэтому давно пора отказаться от разговоров, от попыток «строить» социализм или капитализм. Начало XXI века на планете пройдет под знаком дальнейшего освобождения от тоталитарных, авторитарных традиций и достижения новых ступеней цивилизованности. Россия – как Евразия... Она, Россия, «распята» не между континентами, а между цивилизациями. Ей не хватает (при колоссальном интеллектуальном потенциале) европейской культуры и азиатского трудолюбия. Нужно брать все лучшее и на Западе, и на Востоке, но не подражать слепо. Наше «заимствование» марксизма и перенесение его на российскую почву – горькое историческое предупреждение.

В-третьих. Следует понять, что жизнестойкость режима, возглавлявшегося семью лидерами, не в последнюю очередь определялась ясными (хотя и утопическими) ориентирами общественного развития. Сейчас для большей части россиян эта ясность исторических вех утрачена, что в немалой степени обесценивает, обесмысливает и обессиливает курс Реформации. Нельзя отказать большевистской Системе и ее вождям: они знали, чего они хотят. Правда, с вопросом, как достичь коммунистического процветания, дело обстояло неизмеримо хуже. Сегодня нам нужны объединяющая идея, обновленные ценности, общенациональные идеалы «российского прогресса», которые базировались бы не только на отрицании, но прежде всего на созидании. Может быть, это самое трудное в процессе перелома судь-

бы России. Комплекс этих идей не может просто родиться в голове нового мессии, на каком-то съезде, сессии, конференции. «Контур» этих идей, однако, уже витают в воздухе; но нужны новая логика мышления и действий людей, которые, наконец, должны осознать, что не «классовая борьба», не поиск новых «врагов» и «спасителей» выведут страну из кризиса. Демократические «компоненты» русской идеи, основанные на уважении свободы, гармонии прав человека и гражданского общества, могут помочь освободить людей от духовного смятения.

Итак: «семь вождей». Почему первых двух я не беру в кавычки, а остальных «закавычиваю»? Дело в том, что лишь первые – Ленин и Сталин – не только обладали властью диктаторов, но и в глазах людей были подлинными вождями-предводителями. Само понятие «социальная реформа» во время бытия этих лидеров у власти носило ярко выраженный негативный характер. У этих вождей, кроме неограниченной власти, было нечто мистическое, иррациональное, революционно-классическое. В сознании простых людей это были действительно вожди; достаточно вспомнить сцены похорон Ленина и Сталина с их неподдельной скорбью и эмоциональными переживаниями.

Все последующие пять лидеров уже не несли печати таких же большевистских «вождей»; в стиль их правления исподволь и незаметно вошел, под влиянием внешних обстоятельств, некий элемент реформизма и даже внешнего либерализма. Я не могу без кавычек писать об этих лидерах, как о «вождях», если речь идет о Хрущеве или Брежневе, Андропове или Черненко, не говоря уже о Горбачеве. У них власти было по-прежнему больше, чем у российских императоров, но... все они жили и творили уже во второй половине XX века. Прогресс исторический – понятие не отвлеченное, и он не мог не сказаться на стиле и методах правления этих могущественных лидеров.

В истории власти в СССР возможно рельефно проследить две противостоящие и противоборствующие тенденции.

Первая, начатая Лениным и Сталиным и продолженная Брежневым, Андроповым и Черненко, была откровенно большевистски-ортодоксальной, сугубо консервативной. Все их «преобразования» даже в малейшей степени не затрагивали основ и устоев системы, родившейся после октябрьского переворота 1917 года. Огромную роль в живучести консервативной тенденции играет историческая инерция, обожествление исходных постулатов в создании системы. Это целая философия, делающая ставку на абсолютизацию верности пройденного, безграничную веру в единую государственную идеологию.

Вторая тенденция, реформаторская, нашла свое проявление и выражение в деятельности третьего и седьмого «вождей» – Хрущева и Горба-

чева. Если хрущевские реформы носили в основном «очищающий», отрицающий «культ личности» характер (но не сталинизм!), то последний «вождь» стал инициатором самой крупной Реформации в XX веке.

Все семь «книг» в корочках это издания, которое вы держите в руках, рассказывают об истории верховной власти большевистских лидеров в СССР. Разумеется, это только один из возможных срезов историсофического анализа. Давно замечено, что люди более охотно знакомятся с историей через призму судеб конкретных личностей. А здесь представлены те, которые вершили дела великого народа и определяли, например: идти ли Красной Армии в 1920 году походом на Варшаву; сохранить или упразднить в России губернии; «дружить» или не «дружить» с Гитлером; расстрелять или не расстреливать 21 тысячу польских офицеров; воевать ли с Финляндией; посылать ли ядерные ракеты на Кубу; разворачивать ли ракеты «СС-20» в Восточной Европе; «вводить» войска в Афганистан или нет; «помиловать» ли Сахарова...

У этих людей была колоссальная власть, которая, однако, именно в силу своего избытка и монопольной бесконтрольности подверглась необратимой эрозии. Глубинные причины тотального кризиса системы, ее власти – многочисленны. Назовем лишь некоторые из них.

Крушение ленинского большевизма было предопределено **генетическими причинами**; в своей основе марксизм, абсолютизовавший ряд факторов общественного развития, стал претендовать на роль универсальной теории. Мы в это верили. «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»⁴, – провозгласил Ленин в марте 1913 года. «Всеильный» марксизм с огромным интеллектуальным тщеславием заявил о реальной возможности «построения» справедливого общества на земле, где не будет ни богатых, ни бедных. Свою стратегическую цель – построение коммунистического общества, провозглашенную в знаменитом «Манифесте», родоначальники марксизма предопределили главным условием. Эта цель может быть достигнута «лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего строя». «Насильственного...»

Пересаженный на российскую почву марксизм принял разновидность ленинизма – наиболее уродливой формы «коммунистического переустройства мира». Партия и все ее семь вождей следовали и логике, и букве ленинизма. М.С. Горбачев, безусловно, лучший из всех советских лидеров, заявил 15 октября 1987 года на заседании политбюро: важно «перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, это ключ к решению нынешних задач»⁵.

Ленинский ключ подходил к тем вратам, которые не вели к истине...

Политические причины крушения ленинской системы лежат в классовой нетерпимости, социальной агрессивности к тем, кто не разделяет марксистских взглядов. Эта глубокая конфликтность социальной практики взлелеяла со временем чудовищный сталинский режим, с коим часто олицетворяются все главные грехи марксизма-ленинизма. Большевики были апологетами гражданской войны, в которой они видели средство ликвидации всех социальных групп, не разделяющих их взгляды. И они хотели перенести эту методологию на остальные страны, как важнейшее условие разжигания мировой пролетарской революции. Н.И. Бухарин, к которому мы относимся с сочувствием и симпатией из-за личной трагической судьбы, писал, однако: «...гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключаяющей всякую почву для «мирных» и «законодательных» методов»⁶.

Со времени октябрьского переворота большевики продолжали вести гражданскую войну против собственного народа, сохраняя ее тлеющие угли и после Сталина в виде угрозы насилия, всеобъемлющего контроля, низведения личности до простого «винтика» системы. И это называлось «пролетарской демократией»! В.И. Ленин, в самой неприличной форме «сокрушая» К. Каутского, утверждал: «Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»⁷.

Ленинский большевизм мышления, ярко выраженный в приведенной выше фразе, сохранялся на протяжении десятилетий у всех советских вождей.

Духовные причины разрушения ленинской системы находятся в претензии марксизма, что только с пролетарских революций начинается подлинная история человечества. Методология ленинизма – это, по сути, концепция «прерванной истории». Отринув многое из тысячелетней мировой и отечественной культуры, большевизм, и без того убогий в своей одномерности, фактически пытался сделать политические мифы марксизма основным содержанием духовной жизни советских людей. Судьбы Есенина, Мандельштама, Пастернака, Зощенко, Ахматовой, Платонова, Бабеля, Мейерхольда, многих-многих других «творцов духа» свидетельствуют об ущербности системы, не способной быть в ладу с правдомыслием. Идеологизированное общественное и индивидуальное сознание было почвой укоренения дуализма мышления, глубокого скепсиса в отношении усилий гигантской пропагандистской машины и просто человеческого равнодушия.

Идеология в тоталитарном государстве – это своеобразная униформа, которая в конце концов не может сокрыть духовной нищеты.

Формирование глубокого историософического взгляда на семь советских десятилетий – дело будущего. Автор надеется, что представленные

здесь семь очерков-книжек о вождях большевистской системы посылно помогут в этом деле.

Я знаю, что «Семь вождей», как и моя книга о Ленине, найдут не только благожелательных читателей, но и много воинственных оппонентов. Книга о Ленине полностью замолчана демократической печатью (видимо, она шокировала тех, кто прагматически присматривается: в каком направлении будут развиваться события?), но удостоилась множества негативных, оскорбительных откликов в коммунистической прессе. Я хочу видеть в этом похвалу истине, к которой стремился.

Теперь несколько слов о взглядах автора этого двухтомника. Мои многочисленные недоброжелатели часто обвиняют меня в оппортунизме и пристрастности. Вообще полностью беспристрастным, думаю, можно быть только «теоретически». Я долгие годы был ортодоксальным марксистом и только к исходу своей жизни, после долгой внутренней и мучительной борьбы, смог освободиться от химер большевистской идеологии. Испытав после этого огромное душевное облегчение и какую-то неизбывную печаль: столько лет быть в плену утопии!

Может быть, единственное, что я сделал в этой жизни, – смог порвать с тем, чему молился долгие годы. И честно сказал об этом везде: с трибун съездов, высоких совещаний, в книгах, беседах с множеством людей. Я несу свою часть общего греха за прошлое. И намерен выразить свое покаяние скромными делами по примирению взъерошенного общества, которому больше всего нужно согласие.

То, что написано здесь, в этой книге, опирается на несколько групп источников. Прежде всего сам я, как и миллионы других россиян, был участником и свидетелем многих событий. Большую пользу принесла в написании этой книги мемуарная и аналитическая литература последних лет. Хотел бы отметить в этой связи книги А.Н. Яковлева, Г.К. Шахназарова, А.М. Александрова-Агентова, А.С. Черняева, А.С. Грачева, Р.А. Медведева, М. Геллера, В. Соловьева и Е. Клепиковой, А.А. Громыко и некоторых других. Неоценимую услугу оказали мне директор и работники хранилищ архивных документов: ГАРФ, АПРФ, РЦХИДНИ, ЦХСД, ЦАМО, РЦХАК и некоторых других. Я смог в последние годы ознакомиться со многими документами ЦК КПСС, его политбюро. Эти документы стали доступными после работы парламентской Комиссии, которую я возглавлял в 1992–1993 годах как председатель. Комиссия открыла для общего пользования 78 миллионов файлов, десятилетиями томившихся в секретном партийном заточении.

И последнее. Еще до начала горбачевской Реформации, наблюдая порой уродливые гримасы нашего бытия, я мог сказать самому себе словами

Тихона из «Бесов» Достоевского: «По несовершенству веры своей сомневаюсь». Оно, это «несовершенство веры», питалось догматизмом утопии.

Сначала ко мне пришло разочарование в идее, подобное печальной горечи духовного похмелья. Затем – интеллектуальное смятение. Наконец, решимость встретиться с истиной и понять ее.

По своим взглядам я, скорее всего, принадлежу к людям, разделяющим идеи социальной демократии. На последнем, XXVIII съезде КПСС я заявил об этом с трибуны, но мне не дали закончить выступление.

Моя жизнь прошла во времена «правления» шести вождей; с четырьмя последними я имел непродолжительные рабочие контакты, связанные с моей деятельностью трехзвездного генерала. Я многое видел и немало знал. Это помогло мне в подготовке книги.

У меня нет предубеждения к лицам, которые я запечатлел в галерее из семи портретов. Даже к Сталину, из-за которого был расстрелян мой отец, умерла мать в ссылке, погибли другие родственники.

Истории бессмысленно мстить. Как и нельзя смеяться над ней. Ее нужно понять.

Прошлое необратимо. Настоящее не завершено. Будущее уже начато.